

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ

Повесть, дошедшая до нас в единственном списке первой половины XVIII в., возникла, видимо, в середине XVII в. Она вышла, по всей вероятности, из купеческой консервативной среды, бережно охранявшей старинные нравственные и бытовые устои, уже подвергавшиеся в ту пору разложению. Характерная особенность этой замечательной повести заключается в том, что, возникнув на книжной основе, она испытала очень большое влияние устнопоэтической традиции.

Текст печатается по изданию: Повесть о Горе и Злочасти. СПб.: имп. Академия наук, 1907.

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ И ЗЛОЧАСТИИ, КАК ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИЕ ДОВЕЛО МОЛОТЦА ВО ИНОЧЕСКИЙ ЧИН

Изволением господа бога и спаса нашего
Иисуса Христа вседержителя,
от начала века человеческого.
А в начале века сего тленного
сотворил небо и землю,
сотворил Бог Адама и Евву,
повелел им жити во святом раю,
дал им заповедь божественну:
не повелел вкушати плода виноградного¹
от едемского² древа великаго.
Человеческое сердце несмысленно и неумичиво:
прелстился Адам с Еввою,
позабыли заповедь божию,
вкусили плода виноградного
от дивнаго древа великаго;
и за преступление великое
Господь Бог на них разгневался,
и изгнал Бог Адама с Еввою
из святаго раю из едемского,
и вселил он их на землю, на нискую,
благословил их раститися, плодитися
и от своих трудов велел им сытым быть,
от земных плодов.
Учинил Бог заповедь законную:
велел он браком и женитбам быть
для рождения человеческого и для любимых детей.
Ино зло племя человеческо:
вначале пошло непокорливо,
ко отцову учению зазорчиво,
к своей матери непокорливо
и к советному другу обманчиво.
А се роди пошли слабы, добр[е] убожливи,
а на безумие обратилися
и учили жить в суете и в [не] правде,
в ечерине³ великое,
а прямое смирение отринули.
И за то на них Господь Бог разгневался,

¹ В апокрифах и в старинной живописи плод, вкушаемый Адамом, – виноград. В настоящей повести виноград имеет ещё особое значение плода, из которого делают вино – источник злочлчений молодца.

² Эдемского, то есть райского

³ в распре

положил их в напасти великия,
попустил на них скорби великия,
и срамныя позоры немерныя,
безживотие⁴ злое, сопостатныя находы,
злую, немерную наготу и босоту,
и безконечную нищету, и недостатки последние,
все смиряючи нас, наказуя
и приводя нас на спасенный путь.
Тако рождение человеческое от отца и от матери.
Будет молодец уже в разуме, в беззлобии,
и возлюбили его отец и мать,
учить его учили, наказывать,
на добрыя дела наставлять:
"Милое ты наше чадо,
послушай учения родительскаго,
ты послушай пословицы⁵
добрыя, и хитрыя, и мудрыя, —
не будет тебе нужды великия,
ты не будешь в бедности великой.
Не ходи, чадо, в пиры и в братчины⁶,
не садися ты на место большее,
не пей, чадо, двух чар за едину!
Еще, чадо, не давай очам воли,
не прелщайся, чадо, на добрых красных жен,
отеческия дочери.
Не ложися, чадо, в место заточное⁷,
не бойся мудра, бойся глупа,
чтобы глупыя на тя не подумали,
да не сняли бы с тебя драгих порт,
не доспели бы тебе позорства и стыда великаго
и племяни укору и поносу⁸ безделнаго!
не ходи, чадо, х костарем⁹ и корчемникам,
не знайся, чадо, с головами кабацкими,
не дружися, чадо, с глупыми, не мудрыми,
не думай украсти-ограбिति,
и обмануть-солгать и неправду учинить.
Не прелщайся, чадо, на золото и серебро,
не збирай богатства неправого,
не буди послух¹⁰ лжесвидетелству,
а зла не думай на отца и мать
и на всякого человека,
да и тебе покрывает Бог от всякого зла.
Не бесчествуй, чадо, богата и убога,
и имей всех равно по единому.
А знайся, чадо, с мудрыми,
и [с] разумными водися,

⁴ нищету

⁵ наставления

⁶ Братчина – пирушка в складчину.

⁷ пустынное, глухое

⁸ поношения, порицания

⁹ игрокам в кости

¹⁰ свидетель, поручитель

и з други надежными дружися,
которыя бы тебя злу не доставили".

Молодец был в то время се мал и глуп,
не в полном разуме и несовершен разумом:

своему отцу стыдно покоритися
и матери поклонитися,

а хотел жити, как ему любо.

Наживал молодец пятьдесят рублей,

Залез¹¹ он себе пятьдесят друзей.

Честь его яко река текла;

друговя к молотцу прибивалися,

[в] род-племя причиталися.

Еще у молотца был мил надежен друг –

назвался молодцу названой брат,

прелстил его речами прелесными¹²,

завал его на кабацкой двор,

завел ево в ызбу кабацкую,

поднес ему чару зелена вина

и крушку поднес пива пьянова;

сам говорит таково слово:

"Испей ты, братец мой названой,

в радость себе, и в веселие, и во здравие!

Испей чару зелена вина,

запей ты чашею меду сладково!

Хошь и упьешься, братец, допьяна,

ино где пил, тут и спать ложися.

Надейся, надейся на меня, брата названова, –

я сяду стеречь и досматривать!

В головах у тебя, мила друга,

я поставлю крушку ишему¹³ сладково,

вскрай поставлю зелено вино,

близ тебя поставлю пиво пьяное,

зберегу я, мил друг, тебя накрепко,

сведу я тебя ко отцу твоему и матери!"

В те поры молодец понадеяся

на своего брата названого, –

не хотелося ему друга послушатца;

принимался он за питья за пьяныя

и испивал чару зелена вина,

запивал он чашею меду слатково,

и пил он, молодец, пиво пьяное,

упился он без памяти

и где пил, тут и спать ложился:

понадеялся он на брата названого.

Как будет день уже до вечера,

а солнце на западе,

от сна молодец пробуждаетца,

в те поры молодец озирается,

а что сняты с него драгие порты,

¹¹ нашёл

¹² льстивыми

¹³ питного мёда

чиры¹⁴ и чулочки – все поснимано,
рубашка и портки – все слуплено,
и вся собина¹⁵ у его ограблена,
а кирпичек положен под буйну его голову,
он накинута гункою¹⁶ кабацкою,
в ногах у него лежат лапотки-отопочки¹⁷,
в головах мила друга и близко нет.
И вставал молодец на белы ноги,
учал молодец наряжаться:
обувал он лапотки,
надевал он гунку кабацкую,
окрывал он свое тело белое,
умывал он лице свое белое;
стоя молодец закручинился,
сам говорит таково слово:
"Житие мне Бог дал великое, –
ясти, кушати стало нечево!
Как не стало денги, ни полу-денги, –
так не стало ни друга, не полдруга:
род и племя отчитаются¹⁸,
все дружи прочь отпираются".

Стало срамно молотцу появиться
к своему отцу и матери,
и к своему роду и племяни,
и к своим прежним милым другом.
Пошел он на чюжу страну, далну, незнаему,
нашел двор, что град стоит:
изба на дворе, что высок терем,
а в ызбе идет велик пир почестен,
гости пьют, ядят, потешаются.
Пришел молодец на честен пир,
крестил он лице свое белое,
поклонился чюдным образом,
бил челом он добрым людем
на все четыре стороны.
А что видят молотца люди добрые,
что горазд он креститися:
ведет он все по писанному учению, –
емлють его люди добрыя под руки,
посадили ево за дубовой стол,
не в болшее место, не в меншее, –
садят ево в место среднее,
где седают дети гостиные.
Как будет пир на веселие,
и все на пиру гости пьяны-веселы,
и седа, все похваляютца.
Молодец на пиру невесел седит,

¹⁴ башмаки

¹⁵ личное имущество

¹⁶ рубищем

¹⁷ стоптанные лапти

¹⁸ отрекаются

кручиноват, скорбен, нерадостен:
а не пьет, ни ест он, ни тешитца –
и нечем на пиру не хвалитца.
Говорят молотцу люди добрыя:
"Что еси ты, доброй молодец
зачем ты на пиру невесел седишь,
кручиноват, скорбен, нерадостен?
Ни пьешь ты, ни тешышься,
да ничем ты на пиру не хвалишься.
Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала?
или место тебе не по отчине твоеи?
или малые дети тебя изобидили?
или глупыя люди немудрыя
чем тебе молотцу насмеялися?
или дети наши к тебе неласковы?"
Говорит им, сидя, доброй молодец:
"Государи вы, люди добрыя,
скажу я вам про свою нужду великую,
про свое послушание родительское
и про питье кабацкое,
про чашу медвяную
про лестное питье пьяное.
Яз как принялся за питье за пьяное,
ослушался яз отца своего и матери, –
благословение мне от них миновалось,
Господь Бог на меня разгневался
и на мою бедность великия,
многия скорби, неисцельныя,
и печали неутешныя,
скудность, и недостатки, и нищета последняя.
Укротила скудость мой речистой язык,
изсушила печаль мое лице и белое тело, –
ради того мое сердце невесело,
а белое лице унынливо,
и ясныя очи замутились, –
все имение и взоры у мене изменилися,
отечество¹⁹ мое потерялося,
храбрость молодецкая от мене миновалася.
Государи вы, люди добрыя,
скажите и научите, как мне жить
на чюжей стороне, в чюжих людех
и как залести мне милых друтов?"
Говорят молотцу люди добрыя:
"Доброй еси ты и разумный молодец,
не буди ты спесив на чюжей стороне,
покорися ты другу и недругу,
поклонися стару и молоду,
а чюжих ты дел не объявляй,
а что слышишь или видишь, не сказывай,
не лсти ты межь други и недруги,
не имей ты упатки вилавья²⁰,

¹⁹ Отечество – здесь: честь по отцу, родовое достоинство.

не вейся змиею лукавою,
смирение ко всем имей!
И ты с кротостию держися истинны с правдою, –
то тебе будет честь и хваля великая:
первое тебе люди отведают
и учнуть тя чтить и жаловать
за твою правду великую,
за твое смирение и за вежество,
и будут у тебя милые други,
названья братья надежныя!"
И отуду пошел молодец на чюжу сторону
и учал он жити умеючи:
от великаго разума наживал он живота болшы старова;
присмотрил невесту себе по обычаю –
захотелся молотцу жениться:
средил²¹ молодец честен пир
отечеством и вежеством,
любовным своим гостем и другом бил челом.
И по грехом молотцу,
и по божию попущению,
а по действию диаволу
пред любовными своими гостями и други
и названными браты похвалился,
а всегда гнило слово похвальное:
похвала живет человеку пагуба!
"Наживал-де я, молодец, живота болши старова!"
Подслушало Горе-Злочастие хвастанье молодецкое –
само говорит таково слово:
"Не хвались ты, молодец, своим счастием,
Не хвастай своим богатством, –
бывали люди у меня, Горя,
и мудряя тебя и досужае²², –
и я их, Горе, перемудрило:
учинися им злочастие великое:
до смерти со мною боролися,
во злом злочастии позорилися –
не могли у меня, Горя, уехать –
а сами они во гроб вселилися,
от меня накрепко они землего накрылися,
босоты и наготы они избыли,
и я от них, Горе, миновалось,
а Злочастие на их в могиле осталось.
Еще възгряло²³, я, Горе, к иным привязалось,
а мне, Горю и Злочастию, не в пустеже жити –
хочю я, Горе, в людех жить
и батагом меня не выгонит[ь],
а гнездо мое и вотчина во бражниках!"
Говорит серо Горе горинское:

²⁰ хитрых подходов

²¹ снарядил, устроил

²² искуснее

²³ закаркало

"Как бы мне молотцу появиться?"
Ино зло то Горе излукавилось,
во сне молодцу привидялось:
"Откажи ты, молодец, невесте своей любимой:
быть тебе от невесты истравлену,
еще быть тебе от тое жены удавлену,
из злата и сребра бысть убитому!
Ты пойдь, молодец, на царев кабак,
не жали ты, пропивай свои животы,
а скинь ты платье гостиное,
надежи²⁴ ты на себя гунку кабацкую, –
кабаком то Горе избудетца,
да то злое Горе-Злочастие останетца:
за нагим то Горе не погонитца,
да никто к нагому не привяжетца,
а нагому, босому шумить розбой!"
Тому сну молодец не поверовал.
Ино зло то Горе излукавилось –
Горе архангелом Гавриилом молотцу
попрежнему еще вновь Злочастие привязалось:

"Али тебе, молодец, неведома
нагота и босота безмерная,
легота²⁵, беспроторица²⁶ великая?
На себя что купить – то проторится²⁷,
а ты, удал молодец, и так живешь!
Да не бьют, не мучат нагих, босых,
и из раю нагих, босых не выгонят,
а с тово свету сюды не вытепут²⁸,
да никто к нему не привяжется –
а нагому, босому шумить розбой!"

Тому сну молодец он поверовал,
сошел он пропивать свои животы,
а скинул он платье гостиное,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое.
Стало молотцу срамно появиться
своим милым другом –
пошел молодец на чужу страну далну, незнаему.
На дороге пришла ему быстра река,
за рекою перевошики,
а просят у него перевозного,
ино дать молотцу нечево;
не везут молотца безденежно.
Седит молодец день до вечера,
миновался день до вечера ни дообеднем²⁹,
не едал молодец ни полу куса хлеба.

²⁴ надень

²⁵ бедность

²⁶ безубыточность

²⁷ истратится

²⁸ не вытолкают

²⁹ без обеда

Вставал молодец на скоры ноги,
стоя, молодец закручинился,
а сам говорит таково слово: –
"Ахти мне, злочастие горинское!
до беды меня, молотца, домькало:
уморило меня, молотца, смертью голодною,
уже три дни мне были нерадошны;
не едал я, молодец, ни полу куска хлеба!
Ино кинусь я, молодец, в быстру реку –
полощь мое тело, быстра река,
ино еште, рыбы, мое тело белое, –
ино лутчи мне жития сего позорного.
Уйду ли я у Гора злочастного?"
И в тот час у быстри реки скача Горе из-за камени,
босо, наго, нет на Горе ни ниточки,
еще лычком Горе подпоясано,
богатырским голосом воскликано:
"Стой ты, молодец; меня, Гора, не уйдешь никуды;
не мечися в быстру реку,
да не буди в горе кручиноват –
а в горе жить – некручинну быть,
а кручинну в горе погинути!
Спамятуй, молодец, житие свое первое
и как тебе отец говорил
и как тебе мати наказывала.
О чем тогда ты их не послушал?
Не захотел ты им покоритися,
постыдился им поклонитися,
а хотел ты жить, как тебе любо есть.
А хто родителей своих на добро учения не слушает,
того выучю я, Горе злочастное.
Не к любому он учнет упадывать³⁰,
и учнет он недругу покарятися!"
Говорит злочастие таково слово:
"Покорися мне, Горю нечистому,
поклонися мне, Горю, до сыры земли,
а нет меня, Гора, мудря на сем свете!
И ты будешь перевезен за быструю реку,
напоят тя, накормят люди добрыя".
А что видит молодец [беду] неменучюю,
покорился Горю нечистому –
поклонился Горю до сыры земли.
Пошел, поскочил доброй молодец
по круту, по красну по бережку,
по желтому песочнику;
идет весел, некручиноват,
утешил он Горе-Злочастие
и сам идучи думу думает:
"когда у меня нет ничево,
и тужить мне не о чем!"
Да еще молодец не кручиноват –

³⁰ не к милому он станет припадать

запел он хорошую напевочку
от великаго крепкаго разума:
"Безпечална мати меня породила,
гребешком кудерцы розчесывала,
драгими порты меня одеяла
и отшед под ручку посмотрела,
"хорошо ли мое чадо в драгих портах? –
а в драгих портах чаду и цены нет!"
Как бы до веку она так пророчила,
ино я сам знаю и ведаю,
что не класти скарлату³¹ без мастера,
не утешыти детяти без матери,
не бывать бражнику богату,
не бывать костарю в славе доброй!
Завечен я³² у своих родителей,
что мне быти белешенку,
а что родился головенкою³³!"
Услышали перевощики молодецку напевочку,
перевезли молотца за быстру реку,
и не взяли у него перевозного,
напоили, накормили люди добрыя,
сняли с него гунку кабацкую,
дали ему порты крестьянскис.
Говорят молотцу люди добрыя:
"А что ты еси, доброй молодец,
ты поди на свою сторону,
к любымым честным своим родителем,
ко отцу своему и к матери любимой,
простися ты с своими родители, отцем и материю,
возми от них благословение родительское!"

И оттуду пошел молодец на свою сторону.
Как будет молодец на чистом поле,
а что злое Горе наперед зашло,
на чистом поле молотца встретило,
учало над молодцем гратьи,
что злая ворона над соколом.
Говорит Горе таково слово:
"Ты стой, не ушел, доброй молодец,
не на час я к тебе, Горе злочастное, привязался!
хошь до смерти с тобою помучуся!
не одно я Горе – еще сродники,
а вся родня наша добрая,
все мы гладкие, умилные!
А кто в семью к нам примешается –
ино тот между нами замучится!
такова у нас участь и лутчая!
Хоть кинся во птицы воздушныя,
хотя в синее море ты пойдешь рыбуо,

³¹ Скарлат – вначале название дорогой восточной ткани, окрашенной пурпуром, затем название тёмно-красного, пурпурного, багрового цвета.

³² суждено мне было

³³ головнёй, обуглившейся палкой

а я с тобою пойду под руку под правую!"
Полетел молодец ясным соколом, –
А Горе за ним белым кречатом;
молодец полетел сизым голубем, –
а Горе за ним серым ястребом;
молодец пошел в поле серым волком,
а Горе за ним з борзыми вежлецы³⁴;
молодец стал в поле ковыль трава,
а Горе пришло с косою вострою;
да еще Злочастие над молотцем насмехался:
"быть тебе, травонка, посеченой,
лежать тебе, травонка, посеченой,
и буйны ветры быть тебе развеяной!"
Пошел молодец в море рыбою,
а Горе за ним с щастыми неводами –
еще Горе злочастное насмеялся:
"быть тебе, рыбонке, у бережку уловленной,
быть тебе да и съеденой,
умереть будет напрасною смертью!"
Молодец пошел пеш дорогою,
а Горе под руку под правую,
научает молотца богато жить – убить и ограбить,
чтобы молотца за то повесили,
или с камнем в воду посадили.

Спамятует молодец спасенный путь –
и оттоле молодец в монастыр пошел постригаться,
а Горе у святых ворот остается,
к молотцу впредь не привяжетца!
А сему житию конец мы ведаем.
Избави, господи, вечныя муки,
а дай нам, господи, светлый рай.

Во веки веков. Аминь.

³⁴ гончими собаками (борзыми)